

Стефано Алоэ

Рукопись *Дневника* Марии Брусс как памятник эпохи. Краткое текстологическое описание

Рукопись Марии Брусс свидетельствует о жизни простой женщины и бытовой культуре в нищенских условиях советской глубинки в 'глуши' советской провинции в первых десятилетиях существования СССР. Это своего рода памятник 'малой истории' Советского Союза, поскольку в ней отражены характерные элементы менталитета, мировоззрения, уровня образования так называемого рабочего класса, типичные общественные ситуации и быт эпохи Сталина. Сама Мария Брусс назвала свою рукопись *Дневником*, как явствует из полустертой надписи на обложке документа: "Дневник пройденной жизни <...> се <...>"¹. На самом деле, функцию дневника этот документ выполняет только с записей 1941 года, когда начинается соблюдаться опреде-

ленный дневниковой ритм и, главное, предметом описания становятся недавно произошедшие события. Записи, относящиеся к предыдущей поре жизни Марии Брусс носят, напротив, характер воспоминаний о прошлом, они написаны в течение непродолжительного периода и создают некое целостное, организованное хронологически жизнеописание. Разница между двумя частями *Дневника* в плане организации предмета повествования и его стратегий очевидна. Следует предположить, что *Дневник* был задуман и начат в начале 1940-х гг., вероятно в 1941 году, как 'летопись жизни' автора (что позволяет подчеркнуть формулировку о *пройденной жизни* на обложке *Дневника*). То, что документ создавался в течение только нескольких лет (последняя запись относится к концу 1945 года) подтверждается еще и тем, что большинство листов *Дневника*, включая самые первые, являются страницами одной и той же бухгалтерской дневниковой

¹ Надпись частично стёрта. Сужу по фотографии, размещенной на сайте Радио "Азаттык", где *Дневник* Марии Брусс впервые отрывочно опубликован (со значительными купюрами и в орфографически нормализованном варианте) в 2010 году (Касенова 2010).

тетради, произведенной именно в 40-е годы (об этом свидетельствует дата бухгалтерских счетов, напечатанная на каждом листе – 194__). Только последние записи (ок. 10 лл.) сделаны в другой тетради, продолжающей дневник. Обе тетради были сшиты вместе, предположительно самой Марией Брусс, с целью создать единую книжку. Страницы пронумерованы карандашом рукой автора (в целом 132 страницы, часть которых не сохранилась).

История *Дневника* связана с определенными событиями, которые нам остаются неизвестными, но в то время вызвали у Марии Брусс желание фиксировать свою жизнь. Текущие события Мария Брусс начала записывать в виде настоящего дневника только после того, как ее жизнеописание дошло до определенной даты, ее настоящего. Мотивы написания дневника оставались актуальными в военный период, а вскоре после окончания Великой Отечественной войны они, видимо, исчезли. Какая была изначальная цель Марии Брусс – трудно сказать. Прочтение текста вызывает впечатление, что Мария пишет не для себя, а для третьего лица. Может быть, для самооправдания или для того, что-

бы в худшем случае оставить свидетельство о себе: период составления *Дневника* совпадает с серьезными проблемами Марии на работе, и многие страницы посвящены ее самозащите в атмосфере всеобщей травли и недоверчивости сталинского общества. Не случайно, в определенный момент Мария почувствовала необходимость уничтожить ту часть *Дневника*, которая могла бы оказаться для нее опасной (“Очень много листов уничтожено, которые остались тайной в моей душе”, пишет она на отдельном листочке, пришитом позже к странице 87).

Эти обстоятельства так же говорят о том, что документ не является дневником в строгом смысле. Это скорее всего мемуарное досье. Впрочем, вряд ли Мария задавала себе вопросы о структуре и стилистике дневникового текста; свои задачи она реализовывала интуитивно, без твердо установленных жанровых образцов.

Мария Брусс склонна вводить в текст повествовательные фигуры в виде подзаголовков для многих записей, создавая таким образом тематические ориентиры и обеспечивая последовательность своего нарратива. Эти названия придают

структуре *Дневника* порядок и образность (например: “В Челябинском”; “Гости”; “Приехал муж”; “Шпионы”; “Корешки вредительства”, и т.п.). Вряд ли можно считать такие яркие (и часто удачно придуманные!) названия просто ‘лабораторией памяти’: Мария Брусс пишет с намерением обратиться к определенной публике, для которой и придуманы эти ‘титры’, совершенно лишние для ежедневных личных записей, но безусловно полезные для создания повествовательной стратегии. С тем же ориентиром на ‘публику’ Мария перечитывает свой *Дневник*, о чем свидетельствуют примечания, добавленные самой Марией (по крайней мере, так кажется по почерку) карандашом в период – если не редактирования, то по крайней мере, пересмотра написанного ранее. Примечания играют характер пояснений: они вставлены в большинстве случаев для уточнения подзаголовков, если они в момент создания текста оказывались слишком общими (например: к заголовку *Встреча!!* добавлено другим карандашом: “С Ваней”, к заголовку *забыла*. добавлено “Ваню”...).

Эти повествовательные стремления являются, пожа-

луй, самым ценным и интересным элементом в текстовой системе Марии Брусс. По стилистике *Дневник* – документ, исторически значимый, но лишенный какой-либо художественной ценности, он – точное отражение культуры и мировоззрения малообразованной женщины, родившейся в глубокой казахской провинции в начале XX века. Нищетою, материальной и духовной, проникнуты страницы *Дневника*, наивным, но по своему мощным способом передающего читателю страшный характер жизни эпохи. Мария Брусс – дитя поколения, которое выросло вместе с Октябрьской революцией в период массового обучения грамоте: ленинская борьба с безграмотностью не прошла даром, судя по записям Марии Брусс, которая писать как-то умеет и читает не только необходимую литературу (агитпроп и техническую литературу, но порой даже и произведения Максима Горького). Как большинство крестьян своей эпохи, Мария умеет писать, но с правилами правописания не очень знакома. *Дневник* – опыт передачи «наугад» устного рассказа о жизни в новой для автора письменной форме. Задача чрезвычайно сложна: в короткой школьной жизни

Марии не успели сформироваться прочные базовые орфографические умения; лексическая база неширока, в основном связана с просторечием или с местным жаргоном рабочей среды. В письменном тексте отражаются, таким образом, явные черты устной речи и элементы разговорного языка, в то время как к литературному языку можно отнести только формулировки и лексику, связанные с политической пропагандой и с трудовой сферой. Среди типичных орфографических и языковых инвариантов стиля *Дневника* можно перечислить:

- тенденцию к фонетической орфографии (“я не виделась подругами”; “Щастя мое не важное”...)
- элементы устной речи: в лексике (“Построили себе хату”, “Мы делали выварку по моей личной карточке с Ефименком который всякую дрянь поставил на подочот”...)
- элементы устной речи: повествовательные элементы (“И что-же получилось!”, “И вдруг слышатся шаги и кто-то заходит в хату, и спрашивает: есть кто живой или нет?”...)

- элементы устной речи: в синтаксисе (“Купили верблюдов пару”; “мы с ним не встречались, и наконец встретился”; “Но я этого не догадывалась что он меня любит”; “Я подошла когда мне нина сообщает что витя помир”...)
- небрежность в пунктуации (“Я испугалась думала что убила”...; “Как трудно было роставатся с Папой Мамой с братьями всеми остальными”...)
- языковые штампы социальной и трудовой среды (“Дирекция высылает ревизора и приказ меня снять. Поставила в извесность Григореву”; “Когда приехала вторая Комисия с Москвы то разоблачили вредительство на фабрике”....).

Несмотря на стремление автора к единому последовательному повествованию, *Дневник* является во многом фрагментарным, и не всегда ясны рассказанные эпизоды. Неясность многих мест усугублена условиями, в которых рукопись хранилась. *Дневник* написан частично пером, а частично цветными, еле видимыми карандашами, на грубой, желтоватой бумаге. По-

черк Марии Брусс достаточно легко читается, но в тех местах, где она пишет цветными, очень неяркими карандашами понимание текста становится проблематичным. Местами текст совсем стерся, особенно на краях страниц. Некоторые страницы не сохранились целиком, другие совсем отсутствуют, либо вследствие решения автора (это в большинстве случаев, и особенно те страницы, которые находились в центральной части рукописи и касались проблем Марии на работе, как выше сказано); либо, вероятно, под воздействием времени и обстоятельств: например, страницы 69 и 70 сшиты в тетради в обратном порядке, вероятно в результате вырывания и уничтожения большинства соседних страниц. Среди утраченных частей *Дневника* есть и его первый лист (стр. 1 и 2), что можно объяснить двумя возможными причинами: либо лист вылетел из переплета, как часто происходит с крайними листами часто перелистываемых книг и тетрадей; либо Мария решила его уничтожить по соображениям безопасности, так как в нем описывались самые первые годы ее жизни, и в описание могли попасть политически опасные детали (например,

намеки о немецком происхождении семьи Брусс, ставшим опасным в годы борьбы с нацистской Германией; или какая-либо информация о классовом статусе семьи в годы перед Революцией, когда Мария родилась). Нужно рассматривать эту фрагментарность, с важными информационными пробелами, как знак эпохи.

О Марии Брусс мало что известно помимо того, что она сама о себе написала и сохранила. Кое-какая дополнительная информация, полученная от ее внучки, Марины Колосовой, прослеживается по ранее упоминаемому тексту Радио “Азаттык”. Даты рождения и смерти Марии Брусс и там не указаны, новую информацию об этой женщине не удалось разыскать и исследовательницам Саре Кэмерон и Юлии Херцберг, которые подготовили настоящую публикацию *Дневника*.

Транскрипция рукописи представляя для исследователей немало сложностей. Впервые переписала большие отрывки *Дневника* казахская журналистка Кундыз Касенова с помощью Марины Колосовой, которая передала ей рукопись и разъяснила некоторые обстоятельства жизни семьи. Сокращенный текст *Дневника*

был прочитан по Радио “Азат-тык” 17 мая 2010 года и тут же опубликован на сайте этого радиоканала с интересным приложением фотографий из личного архива Марии Брусс (в том числе, с фотопортретом Марии, без даты, но вероятно конца 40-х или начала 50-х гг.). С этим текстом ознакомилась исследовательница Сара Кэмерон, которая в 2013 г. получила оригинал рукописи от Касеновой и подарила ее Библиотеке Йельского Университета, в архиве которой теперь *Дневник* находится. По просьбе Херцберг, Ольга Литвин и Владислав Романов занялись полным переписыванием рукописи, в основном по

критериям дипломатической транскрипции. На основе их работы, но с рядом поправок, я попытался еще больше приблизить напечатанный текст к рукописному подлиннику. Задача была выполнена относительно: как выше сказано, местами рукопись невозможно прочитать. Тем не менее, в результате мы имеем перед собой текст, который в значительной мере отражает стилистические, орфографические и паратекстуальные особенности *Дневника* Марии Брусс, значение которого как свидетельства эпохи смогут оценить исследователи.

Библиография

Касенова 2010: Кундыз Касенова, *Дневник бабушки оказался летописью событий прошлого века в Актыбинской области*, 17 мая 2010 г.

http://rus.azattyq.org/content/diary_maria_bruss_war_time_aktobe_region/2044144.html